

Сказка Астрид Линдгрен " Мио, мой Мио! " Мирамис

Интересно, что сказал бы Бенка, если бы увидел мою белую лошадь, мою Мирамис с золотой гривой и с золотыми копытами?

Мы с Бенкой страшно любим лошадей. Когда я жил на улице Упландсгатан, моими друзьями были не только Бенка и тетушка Лундин. Я чуть не забыл еще об одном друге. Его звали Калле–Щеголь, то был старый ломовик с пивоваренного завода.

Несколько раз в неделю, по утрам, в магазин на Упландсгатан привозили пиво. Когда я шел в школу, я всякий раз выкраивал несколько минут, чтобы хоть немного поболтать с Калле–Щеголем. То был добрый старый конь, и я припасал для него кусочки сахара и корки хлеба. Бенка делал то же самое, ведь он не меньше меня любил Калле. Он говорил, что Калле – его конь, а я – что он мой; иногда мы даже ссорились из–за Калле. Но когда Бенка не слышал, я шептал на ухо Калле: "Ведь ты мой". И Калле–Щеголь понимающе косился в мою сторону. Ну зачем Бенке еще лошадь, ведь у него были мама, папа и все, что душе угодно. А если честно, Калле–Щеголь принадлежал вовсе не нам, а пивоварне. Мы только воображали, будто он наш. Правда, временами я сам верил в это.

Иной раз, заболтавшись с Калле, я опаздывал в школу, а когда учительница спрашивала меня, почему я не пришел вовремя, я не знал, что ответить. Ведь не скажешь же учительнице, что просто–напросто заговорился со старым конем. Когда по утрам повозка с пивом слишком долго не появлялась, мне приходилось бежать в школу, так и не повидавшись с Калле–Щеголем. Я злился на кучера за то, что он такой нерасторопный. Сидя за партой, я крутил в кармане кусочки сахара и горбушку хлеба, я скучал по Калле и думал, что пройдет еще несколько дней, прежде чем я его увижу. Тогда учительница спрашивала:

– Что ты, Буссе, сидишь и вздыхаешь? Что случилось?

Я молчал, да и что я мог ответить? Разве могла понять учительница, как я сильно любил Калле?

Сейчас Калле целиком достался Бенке. Ну и правильно! Пусть Калле–Щеголь утешает Бенку, раз меня нет.

А у меня есть Мирамис с золотой гривой. И досталась она мне неожиданно–негаданно.

Однажды вечером, когда мы с отцом болтали и строили планы – ну так же, как Бенка со своим отцом, – я рассказал отцу про Калле.

– Мио, мой Мио! – спросил отец. – Ты любишь лошадей?

– Ну да, – ответил я как можно равнодушнее, чтобы отец не подумал, будто мне чего–то не хватает.

На другое утро, гуляя с отцом по саду, я увидел, как навстречу мне среди розовых кустов скачет белая лошадь. Никогда я не видел такого красивого галопа. Золотая грива развевалась по ветру, золотые копыта сверкали на солнце. Лошадь мчалась прямо на меня и весело ржала. Мне никогда еще не приходилось слышать такого буйного ржанья. Чуть–чуть струсив, я пугливо прижался к отцу. Но отец твердой рукой ухватил лошадь за золотую гриву, и она встала как вкопанная. Потом она ткнулась мягким носом в мой карман, надеясь найти там сахар. Точь–в–точь как это делал Калле–Щеголь. К счастью, у меня в кармане завалялся кусочек сахара. Видно, по старой привычке я сунул его в карман. Лошадь нашла его и, хрустя, съела.

– Мио, мой Мио! – сказал отец. – Это твоя лошадь, и зовут ее Мирамис.

О моя Мирамис! Я полюбил тебя с первого взгляда. Обойди хоть весь свет, прекраснее лошади не сыщешь. И она ни капельки не напоминала старого, измученного работягу Калле. По крайней мере, я не находил никакого сходства, пока Мирамис не подняла свою красивую голову и не посмотрела на меня. Тогда я видел, что у нее точно такие же глаза, как у Калле. Преданные–преданные глаза, как у всех лошадей.

Никогда в жизни мне не приходилось ездить верхом. А тут отец посадил меня на Мирамис.

– Не знаю, сумею ли я.

– Мио, мой Мио! – сказал отец. – Разве у тебя не мужественное сердце?

Едва я тронул поводья, как мы понеслись по саду под кронами тополей, и серебристые листья их застревали в моих волосах.

Я скакал все быстрее, быстрее и быстрее, Мирамис перемахивала через самые высокие кусты роз. Только раз она едва коснулась живой изгороди, и облако розовых лепестков взметнулось за нами.

Тут в саду появился Юм–Юм. Увидев меня верхом, он захлопала ладоши и закричал:

– Мио скачет на Мирамис! Мио скачет на Мирамис!

Я придержал лошадь и спросил Юм–Юма, не хочет ли он прокатиться. Еще бы не хотеть! Он тут же вскочил на лошадь и уселся позади. И. мы поскакали по зеленым лугам, которые раскинулись за садом роз. В жизни не испытывал я ничего подобного!

Королевство моего отца велико. А Страна Дальняя самая большая среди его владений. Она простирается на восток и на запад, на север и на юг. Остров, на котором возвышается замок короля, называется Островом Зеленых Лугов.

– По ту сторону фьорда, за горами лежит Страна Заморская и Страна Загорная. Это тоже королевство твоего отца! – крикнул мне Юм–Юм, когда мы мчались по зеленым лугам.

Кругом было так красиво. Мягкая сочная трава, пестрые цветы, а на изумрудно–зеленых холмах пасутся белые пушистые ягнята. И пастушок наигрывает на флейте какой–то чудесный напев. Мне показалось, будто я слышал его раньше, только не припомню где. Во всяком случае не на улице Упландсгатан, это уж точно.

Я остановил лошадь, и мы разговорились. Пастушка звали Нонно. Я спросил, не даст ли он поиграть мне на флейте. Он не только дал поиграть, но и научил меня своему напеву.

– Хотите, я вырежу вам по флейте? – спросил он. Нечего и говорить, как нам этого хотелось. Неподалеку бежал ручей. Плакучая ива раскинула над ним свои ветви. Мы уселись на берегу, болтали ногами в воде, а Нонно мастерил нам флейты. Нонно сказал, что напев его флейты – самый древний в мире. Пастухи наигрывали его на пастбищах уже много–много тысяч лет назад.

Мы поблагодарили Нонно за флейты и за то, что он научил нас играть старинный напев. Потом, вскочив на лошадь, поскакали дальше. И долго–долго еще слышались затихающие звуки флейты, на которой Нонно наигрывал старинный пастуший напев.

– Будем беречь эти флейты, – сказал я Юм–Юму. – Если кто–нибудь из нас попадет в беду, пусть сыграет на флейте пастуший напев.

Тут Юм–Юм обхватил меня сзади руками, чтобы не свалиться с лошади, и сказал:

– Да, мы будем беречь эти флейты. Если услышишь мою флейту, знай, я зову тебя.

– Хорошо, – ответил я. – А когда ты услышишь мою флейту, тоже знай: теперь я зову тебя.

– Да, – сказал Юм–Юм.

И я подумал, что теперь он мой лучший друг. Конечно, если не считать отца. Моего отца я любил больше всех на свете. А Юм–Юм мой сверстник и лучший друг, раз уж я не могу больше видеться с Бенкой.

Вот здорово! У меня есть отец, Юм–Юм, Мирамис, и я, как вольный ветер, могу летать по холмам и лугам. Не мудрено, что от такого счастья голова идет кругом.

– А как попасть в Страну Заморскую и Страну Загорную? – спросил я Юм–Юма.

– Через мост Утреннего Сияния, – ответил он.

– Где же этот мост? – поинтересовался я.

– Сейчас увидишь, – сказал Юм–Юм. И вправду, вскоре мы увидели мост. Он был такой громадный и длинный, что казалось, конца и края ему нет. Мост весь сверкал в сиянии солнца, он словно был выткан из золотых солнечных лучей.

– Это самый большой мост в мире, – сказал Юм–Юм. – Он соединяет Остров Зеленых Лугов со Страной Заморской. Но по ночам король велит разводить его, чтобы мы могли спокойно спать на Острове Зеленых Лугов.

– Это почему? – спросил я. – Кто может нагрянуть к нам ночью?

– Рыцарь Като!

Едва он произнес эти слова, как в полях дохнуло холодом, а Мирамис задрожала.

В первый раз услышал я о рыцаре Като и громко повторил:

– Рыцарь Като!

И мороз пробежал у меня по коже при этих словах.

– Жестокий рыцарь Като, – добавил Юм–Юм.

Мирамис тревожно заржала, и мы умолкли. Конечно, нам очень хотелось промчаться по мосту Утреннего Сияния, но ведь я не спросил разрешения у отца. Поэтому мы повернули обратно, в сад. Так закончилось наше первое путешествие. В тот день мы еще долго мыли и чистили Мирамис, расчесывали ее золотую гриву, трепали по холке, угощали сахаром и хлебом, которые дала нам мама Юм–Юма.

В саду мы с Юм–Юмом построили шалаш. Мы забирались туда и ели всякую вкуснятину. А больше всего нам нравились тоненькие

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

блины с сахарным песком. Объедение, да и только. Бенкина мама тоже пекла блины, и мне иногда случалось их пробовать. Но блины, которые пекла мама Юм-Юма, были куда вкуснее. Бенка часто рассказывал мне о том, как он строил шалаши на даче в Ваксхольме. Вот хорошо бы написать ему и рассказать о нашем с Юм-Юмом шалаше. "Красота, какой я шалаш себе отгрохал здесь, в Стране Дальней", – написал бы я ему. Да, красота!

[Назад](#) << >> [Дальше](#)